

СИДНА И ЖЕЛЧЬ О ШЕСТИ

СТОЛБЦАХ

Время от времени такие статьи появляются в наших газетах. Представляют они собой поток ру-ани. Результат же - всегда один. Публика валом валит на выставки, разыскивает "окаянную" книгу, торопится на концерт, если его очернил какая-нибудь наша газета.

Так случилось и на этот раз. 20 октября появилась в "Смене" статья С.Евчука "Диковинные плоды... творчества" /набрано крупно/ с подзаголовком: "или "Художник на пленэре" в очаровании "Занерной ночи". В тот же день на выставке было не протолкнуться. Художники даже сетовали: "Ну, чтобы естество появиться на недельку-раньше". Ведь не секрет, что с рекламой у нас... предельно скверно /и это еще мягко сказано/. Спасибо-Евчуку.

Но вернемся к его статье Евчука.

Первое суждение после прочтения - суждение "ризи.

Потом мысль: человек нечистоплотный.

Потом возмущение: ведь все далеко не так, ведь эта выставка, которую ждали два года - это событие в культурной жизни Ленин-града, событие по большому счету. Нам, современникам больших мастеров, повезло хотя бы в том, что мы не только увидели их работы, мы можем просто пообщаться с этими удивительными людьми, духовный мир которых так богат и сложен.

И уж только после этого позволишь себе ответить. Тем более, что от статейки Левчука за версту исходит душок известного времени, казалось, давно-давнего в бытие, когда можно было похеривать творчество акматовой и Бродского, беспредметное искусство называть порождением идеологии загнивающего Запада (не беря во внимание тот факт, что абстракционизм зародился в России, а кибернетику величать отпрыской буржуазной науки).

Левчук начинает статью с иронической эскапады по поводу того, что выставившиеся 14 художников называют аван-ардистами. Я написал это слово без кавычек, Левчук в кавычках. И это принципиально. Лично я твердо убежден, что именно эти художники идут в последнее десятилетие в аван-гарде отечественной живописи, что как-общественное движение они представляют собой нечто схожее с импрессионистами Франции и нашими передвижниками, в свое время, и закупочные комиссии наших музеев не ошибутся, если приобретут в свои фонды работы обруганных Левчуком Овчинникова, Востенко, Духовлинова, Петроченкова, Дыбенко, Васильева, Гавриальчика. Ни словом Левчук не обмолвился об Аветисяне, Белых, Хофине и Ухналево. Чиновники из закупочных комиссий, приглядитесь внимательнее к ним. Если они не обруганы — это не значит, что они плохи.

Ни словом не обмолвился он и об Феодосии Гуменике, разрабатывающей традиционно-фольклорные темы украинского народа. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть каталоги украинских музеев. Впрочем, заданногося целью брызгать слюной Левчука прошлое братского народа не волнует, оно не вписывается в его концепцию. А ведь экспозицией Гуменика открывалась выставка.

На каждой выставке есть свои удачи, есть ордисе, проходные работы, есть и слабые. Объективный критик так бы и построил свое рассмотрение... Это объективный, но не Левчук. Впечатление от его статьи таково, что, кажется, он пишет ненавистью, причём ненавистью, патологической к одному лицу... перечисление фамилий для него только повод варьировать наизобретение своей желчи.

Встреча критика с работами Владимира Афанасьевича Овчин-

никова — это всегда радость, это всегда открытие с какими-бы тысячу раз переизданным и знакомым... Это художник-гоголевского мировоззрения и миропонимания. Во времена Гоголя читательская публика не верила ни в чертей, ни в ведьм, но гоголевских — она приняла оразу. Верим в них и мы, современные читатели. Пришло другое время, пришли другие мифы. В частности, западная пресса пестрит сообщениями об НЛО /неопознанных летающих объектах/, запросто переименованных в летающие тарелки. Относительно подобных сообщений наша пресса держит критическую дистанцию. Но мир-то слухами полнится. И вот докатился слух о летающих тарелках до какой-нибудь бабуся, или она в нарушении запрета ходить по путям, именно по путям и вдруг представила себе эти тарелки... Как нам симпатична эта бабулька! Как по-гоголевски трогательно изобразил ее Овчинников, ироничный, но не издевавшийся. А вот как пишет об этом Шевчук: "Художник может изобразить... Бабу, на которую свалится с неба суповые тарелки" ... Не могли думать так, бабуля! Шевчуку это не нравится — и весь сказ.

В искусстве двадцатого века наметился и блестяще реализовался интерес к древним мифам. В литературе достаточно. Для подтверждения этой мысли вспомнить имена Льюиса, Булгакова, Анджика, Маркеса, Амаду. Овчинников не остался в стороне, но воплотил свое толкование мифа в живописи. Е как воплотил! Казалось бы, критику открыть глаза публике на эту сторону творчества художника — да нет же благодарнейшая публика!

Уже набивший оскомину миф о Пигмалионе и Галатее до Овчинникова не рисовали, и воплощали в дереве и в камне... Но почти никто не дал себе труда подумать, а что чувствует человек, увидевший момент превращения камня в живое существо. Есть от чего прийти в ошарашенность! Помните, как городничий воспринимает в гоголевском "Ревизоре" в тожстопоговской постановке крик перепуганного Хлестакова? Ему мерещатся громы и молнии. Пигмалион оказался как бы на его месте. Миф о Галатее воспринимался как красивый поэтический образ. Овчинников дал себе и нам возможность увидеть, а как бы все это произошло на самом деле! Всего-то лишь... А что по этому поводу пишет Шевчук? Читаем: "... жизнь в картинах В. Овчинникова. В одной из них сходит с подиума-скульптора огромная грубая баба, делая отступившему в ужас мастеру "косу".

видимо, в представлении автора это и есть сглаженная силой любви прекрасная Галатея". Что ж, заступился за женщину. Ай да адвокат! Ай, да рыцарь! -

Мир о-Святом Себастьяне современный зритель в основном улавливает с примитивной картиной Тициана. Тициан в ней следовал канонам своего времени. Прекрасный юноша, обязательно прекрасный - век требовал/ на фоне багрового заката /понятно, почему багрового/ красиво изображает страдание, ибо по эстетическим нормам того времени... и-т.д.

Обыкновенно продумывает этот мир самостоятельно и дает его понимание уже в духе нашего времени. С Тициановским его Себастьян схож только общим: оба героя привязаны к столбу, в их тела вонзались стрелы. Когда складывался институт святого, реальная жизнь была не такой уж доставляющей эстетическое наслаждение, как у Тициана. Себастьян Обыкновенного все же ближе к реальному. Но художник как-бы вводит второй план. Он говорит, что его герой - это не совсем достойные истории. Он современен /вот почему на столбе изоляторы, коих, конечно же, не было во времена реального-прототипа/. Знучесть этого мифа доказали и вы, в частности, Левчук. Разве не в современных Себастьянов направлены ядовитые стрелы вышей статейки? Эти художники /вы им польстили, назвав их молодыми/ жизнью своей доказывают верность своим идеям в искусстве, а вы оказались в неблагоприятной роли стреляющего в них...

Левчуку не понравился даже "Деревянский вечер" Обыкновенного. В самом деле: "Ели сельский /?-хотя бы названия-то запоминать. надо поточнее - разрядка имени А.С./ вечер: непрекращающаяся грязь, лужа посреди двора, валяется в ней свинья-распухшие фиолетовые бурдюки. На заборе, свесив голые ноги, сидит женщина и жует их ими... Жизнь /-это, представляемое о культурных ценностях или карикатура, осмеяние их? /верю вам, Левчук, прочтя вашу статью, женщина незамедлительно слезет с забора, натянет чулки, свиньям повяжет бабочки и под ручку отведет их в хлев слушать концерт Рахманинова, транслируемый по радио. Ах, этот Обыкновенный, совсем не знает современной деревенской жизни: нет в ней ни духа, ни грязи, ни свиней, ни женщин, сидящих на заборах.

Три работы представил на выставке В.В. Гаврильчик, одну из них Левчук лигнул: "...что может почитать В. Гаврильчик, насколько не сомневающимся в нравственном и эстетическом праве на это, изобразить в групповом портрете рабочих бригады не нормальных людей, а констатов с показанными лицами и фигурами. Как будто писал он их не с натуры, а с отражения в кривом зеркале". Редакция журнала "Огонек", где напечатана фотография этой бригады, надеюсь, сатисфакции от Левчука не потребует. Гаврильчик следовал в основном ей. Объективности ради, хочу заметить, мне лично тоже нравится эта работа. Но считаю, что критик и здесь, в этом случае, должен был подсказать художнику, что работа в этом направлении не всегда бывает сопряжена с творческими удачами и почему, недурно бы было отметить, как эти работы нишались в творчество в целом талантливого художника-примитивиста. Вкладу Василию — нестой десяток и сделал в искусстве он немало и, право заслужил немного больше, чем несколько уничтожительных строчек в газете.

Но это говорит только о нравственном лице критика /несимпатичное это лицо/. Но вот еще один выстрел к нему. 10 лет назад трагически погиб художник Евгений Рухин. Его "участие" в выставке — это периферийное его творчества, так сказать, собрали художники с миру по нитке случайные работы — это их память, благодарная-память друзей, уважение к своему собрату. А Левчук и здесь не стесняется — он и покойнику отпекает оплеуху. А ведь после смерти Рухина — это первая и робкая попытка познакомиться с его творчеством со стороны зрителя.

Основной поток своей жести Левчук направил против беспредметников. Самым уязвимым оказался Леонид Борисов. Не нравятся Левчуку "разноцветные квадраты и прямоугольники". Но что делать с этим миром схем и математик! Мне он тоже не очень симпатичен...

Прошли времена, когда абстрактным оживляли, когда им в лицо говорили, что так может всякий. Но убежден, что 95 из 100 профессионалам не под силу повторить красочные сочетания Михнова-Войтенко. Он не затеряется ни на одной выставке, он похож только на самого себя. Его палатра —

как попытка задержать на холсте нору сиринки — и наде связать, удачная попытка, ибо его работы с одинаковым успехом могут украсить и общественное место, и частную квартиру, и музей. А вот реплика Шевчука: "работы В.И. Мухомова-Боготкина — бумаженные листы, покрытые сетью стрелов-морщинок". Немного же в них увлек критик!

По принципу построения большого музыкального произведения попытка объединить 24 полотна Юрия Кныпенко. В целом — размеры превысили размеры "Герники". На мой взгляд, именно целое и не удалось художнику. Шевчук же выхватил из него даже не полотна, а придрался к названиям, — уж слишком они необычны: "Челюстную ночь" он вынес в подзаголовок статьи, над несколькими другими прокомментировал в разных местах. А ведь сама попытка создания большого полотна уже достойна уважения. Вы хоть поговорили с художником, Шевчук? Или для вас достаточно ваших собственных знаний, нашего собственного опыта? Вы уже забывали-свою же собственную декларацию в статье об Агабехове на страницах той же "Смены"? А ведь двух месяцев не прошло.

Вы вот утверждаете, мешая божий дар с яичницей, что делать "беспредметное, спиритуалистическое или абстрактное произведение намного легче, чем то, в котором человек узнает себя, — свою жизнь, представляет произведение духовный свет". /Вы осторожны: не назвали ни одного художника, ни одного полотна из противопоставляемых и-но правящихся вам авангардистов/. Я посмею заявить, что и статейки, подобные вашей, тоже божьего ума не требуют: были бы язык да слух. У вас их хватило на шесть столбцов.

Я верю, что не далеко время, когда нам будет мучительно стыдно, что в наших газетах появлялись статьи, подобные той, что появилась в "Смене" 20 октября. Хочется надеяться, что это частное мнение Шевчука и только, а не позиция редакции, формирующей взгляды нашей молодежи. Необходимо напомнить еще раз людям, подобным Шевчуку, что и Владимир Ильич Ленин и партийные документы последних лет напоминали и напоминают о бережном отношении к людям творческого труда.

А.А. Сидоров
член бригады коммунистического
труда, формовщик.